

А.К. Аликберов

КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛА И КОНЦА ИСТОРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Настоящая статья представляет собой краткий историографический обзор научных (исторических, политологических, философских) и религиозных концепций начала и конца истории, которые рассматриваются в призме нового системно-коммуникативного подхода. Для определения водораздела между прошлым и будущим этот метод берет за основу измерения самого времени, которое делится на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое во временном измерении – это свершившееся настоящее, поэтому только настоящий момент является границей между историей, в том числе современной, и не-историей.

Ключевые слова: начало истории, конец истории, граница между историей и современностью, современная история, постистория.

Аликберов Аликбер Калабекович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, Москва.
E-mail: alikberov@mail.ru

A.K. Alikberov. Concepts of the Beginning and the End of History: Historiographic Review

Abstract. This article is a brief historiographic review of the historical, political, philosophical and religious concepts of the beginning and the end of history, which are considered in the prism of a new system-communicative approach. Striving to locate the watershed between the past and the future, this method is based on measuring time itself, which is divided into past, present and future. The past in the time dimension is an accomplished present, therefore only the present moment is the boundary between history and non-history.

Keywords: the beginning of history, the end of history, the boundary between history and modernity, modern history, post-history.

Alikberov Alikber Kalabekovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: alikberov@mail.ru

Концепциям начала и конца истории посвящено множество работ, как научных (исторических, философских, политологических и др.), так и религиозных. Первоначально исторические подходы к этим двум разным проблемам, тесно связанным друг с другом, в значительной степени определялись господствовавшей религиозной традицией, которая начало истории возводила к сотворению мира, а ее конец – к концу света. Подобный подход мы видим в некогда чрезвычайно авторитетных трудах историка и епископа Жака Боссюэ (1627–1704) [24] и профессора Эдинбургского университета Александра Тайтлера (1747–1813) [44; 45; 19]. Боссюэ начал свое описание истории с Адама и Евы, затем перешел к Ною и его потомкам [24, р. 8–11], но при этом признал «отцом истории» Геродота, который «начал писать историю» [24, р. 69]: здесь зарождение истории как исторического процесса противопоставляется появлению истории как науки, изучающей прошлое.

В новейшей истории дискуссия по этой теме актуализировалась после появления нашумевшей концепции Фрэнсиса Фукуямы о конце истории, которую Массимо де Анджелис назвал манифестом неолиберализма и глобализации. Против этой концепции выступают простые люди (антиглобалисты, «зеленые» и др.). Де Анджелис пришел к противоположному выводу: движение народных масс за судьбы планеты раскрывает другую реальность, а именно – история только начинается [26].

Автор статьи предлагает рассмотреть данную проблему в системной парадигме, которая не ставит своей задачей оспаривать существующие концепции истории, а лишь пытается структурировать их в системе научного знания. Если говорить более предметно, то используется системно-коммуникационный метод, который относится к числу формирующихся и работает преимущественно в парадигме социальных систем, выделенных Толкоттом Парсонсом и Никласом Луманом.

Концепции начала истории

Поскольку история (от *др.-греч.* ἱστορία – *исследование*) в своем исходном значении означает исследование прошлого на основе изучения нарративов, а не исторический процесс, то начало истории большинство историков и философов связывает с изобретением письменности: в частности в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» 1884 г. Фридрих Энгельс противопоставлял «нашей писаной истории» ее доисторическую основу [16, с. 8–9]. Согласно такой интерпретации, письменно зафиксированная история начинается около XXX в. до н.э., когда появляется шумерская клинопись [25, р. 146]. Однако такое понимание истории, которое восходит к «отцу истории» Геродоту (ок. 484–425 гг. до н.э.), является далеко не единственным, особенно если различать историю как науку

и историю как прошлое человечества [10]. В этом втором значении под историей можно понимать весь исторический процесс, который безусловно выходит за пределы 5 тыс. лет письменной истории.

Если различать общество от первобытного общества, а человека – от первобытного человека, то возникает вопрос, какой именно момент можно считать водоразделом, или какой период времени считать переходным между ними, учитывая то, что в различных регионах этот переход осуществлялся в разное время? Между первобытным обществом и началом письменной истории, связанной с формированием ранних государственных образований, лежит огромный период времени, чрезвычайно важный для понимания механизмов взаимодействия различных аспектов социальности. Речь идет о периоде, когда в первобытных общинах начинается социальное расслоение, появляются права собственности, разделение труда, натуральный товарообмен. Этот период полностью исчезает из поля зрения исследователей, если фрагментировать единый исторический процесс на основании одного из критериев, а именно – способа фиксации событий прошлого. Подобный подход игнорирует не только устную историю (*Oral History*), или устную историческую традицию, сохранившуюся до нашего времени как альтернатива письменной, но и продолжительный период пиктографического протописья в Месопотамии, послужившей основой для шумерской клинописи [25, p. 146].

Деление народов на древние и сравнительно молодые подразумевает наличие у первых более древней письменно зафиксированной истории, а не хронологию завершения процессов этногенеза, которые у каждого народа происходили по-разному. Историю одних народов часто описывали другие, соседние, и такие описания имеют не меньшее значение, чем если бы они были местного происхождения: как правило, для Средневековья и Нового времени этническая принадлежность письменности имеет меньшее значение по сравнению с информацией, которую эта письменность содержит. Если говорить об истории как памяти о прошлом, запечатленной не только в буквенных знаках, но и в материальных свидетельствах иного вида (археологическом материале, петроглифике, наскальной живописи и др.), то за пределами теории этногенеза деление народов на древние и не очень древние и вовсе теряет всякий смысл. Начало истории народа не имеет ничего общего ни с возникновением письменности, которое представляет лишь веху, пусть и чрезвычайно важную, в его жизни, ни с народными календарями, ни с принятием новой веры, как это принято считать в религиозных концептах, ни с системой летосчисления.

Немаловажным фактором, который приходится учитывать в теоретических исследованиях, является объективная ограниченность наших знаний об историческом процессе. Добывая новые факты, история как наука постоянно упирается в пределы установленного знания. Область неизвестного о прошлом

гораздо больше области известного, особенно на ранних, более продолжительных этапах истории. Признание неполноты нашего знания о прошлом не только в теоретическом, но и в фактологическом смысле – одна из важнейших исходных посылок данного исследования, которая позволяет увидеть всю картину исторического процесса целиком, с его условными белыми пятнами.

Большинство народов мира, прежде всего христианских, но не только, сегодня живут в 2017 г. У мусульман на дворе всего 1439 г., а у иудеев – все 5773. Традицию начинать историю с сакральной даты (сотворения мира, рождения или основоположения) заложили догматические религии, для которых история – всего лишь небольшой промежуток между сотворением мира и Судным днем, началом и «концом времен». Первочеловек Адам был сотворен сразу после сотворения мира, после грехопадения у него и Евы родились три сына – Каин, Авель и Сиф.

Считая период первобытного общества *доисторическим*, многие историки тем не менее называют его *историей* первобытного общества, или *древнейшей историей* человечества, что, безусловно, представляет собой определенный парадокс. И не только потому, что определение первобытного общества в ряде культур, например западных, во многом оценочно: оно подразумевает «примитивное общество» (*primitive society*); оценочность, впрочем, не всегда означает уничижительного отношения к архаичным культурам, поскольку ни одна культура не могла избежать в своей эволюции этой начальной стадии. Небезупречно и определение доисторических обществ (*Prehistoric Societies*) [24]: о каких обществах можно говорить, если стада антропоидов на этапе антропосоциогенеза были разрозненными? Оценочно также и деление на историю и предысторию (преисторию) и даже протоисторию [1, с. 8]: не случайно К. Ясперс относил к истории «все то время, о котором мы располагаем документальными данными» [17, с. 54], а это начало палеолита; в то же самое время доисторией он считал «время, когда произошло становление человеческой природы» [17, с. 57]. Однако потребность в отделении периода антропогенеза, когда человек и системы культуры находились в зачаточном состоянии, от сознательного хода истории все еще сохраняется.

Это противоречие было успешно решено советской исторической наукой, которая разделила историю каменного века на дородовую (первобытную) и родовую (первобытно-общинную); такое разделение перекочевало и в востоковедение [5, с. 68–69]. По отношению к последующим стадиям истории продолжительный период дородового первобытного общества может считаться предысторией. В западной историографии этот период называется *human prehistory*, который так или иначе совпадает с палеолитом [23; 42]. Это повествование о процессе происхождения и становления человека [41, р. 3].

Не углубляясь в проблематику антропогенеза, отметим, что с самого начала истории человечество оказывается единым, так же как и человеческая природа, и исторический процесс¹.

В предыстории человечества археологи уделяют основное внимание методикам абсолютного и относительного датирования, изучению каменных орудий, а также первобытных общин охотников и собирателей [43, р. 101–122]. В таком случае начало истории, по крайней мере устной, могло бы быть соотнесено с появлением оседлых земледельческих культур (после неолитической революции), развитием земледелия, животноводства, ремесел, в том числе гончарного и металлообработки, классового (имущественного) расслоения, ранних государственных образований². Все эти важнейшие для человека изменения происходили в переходный период от позднего каменного века к бронзовому, который также называют энеолитом (IV–III тыс. до н.э.). Однако, если древние люди, пользовавшиеся только каменными орудиями и еще не совершавшие перехода к производящему хозяйству даже в его начальной форме, собрались в одном месте и в течение нескольких столетий воздвигали многотонное культовое сооружение, можно ли отказать им в истории? Будучи охотниками и собирателями, не зная металлов и протописьменности, они еще в середине X тыс. до н.э. строили грандиозные культовые сооружения [15]. С другой стороны, может быть прав и Юваль Харари, который вел отсчет истории не с неолитической (XII тыс. до н.э.), а с когнитивной революции, которая, как считает исследователь, началась 70 тыс. лет назад – с появления, благодаря речи, способности воображать нечто несуществующее, как, например, человека-льва (пещера Штадель, 30 тыс. лет до н.э.) [32].

По мнению Харари, человек старше истории. *Homo sapiens* начал развивать свое воображение около 70 тыс. лет до н.э., в результате этой революции начинает зарождаться культура, и «дальнейшей судьбой человеческих культур занимается история» [32, р. 3]. Предшествовавший период развития предковых форм, насчитывающий 1,5–2 млн лет, многие исследователи предлагают интерпретировать в понятиях естествознания. По мнению Б.Ф. Поршнева, «переходный процесс становления человека занимает отрезок, начинающийся с поздних палеоантропов и включающий ранних нео-

1. О единстве человечества и его истории повествует и библейская версия начала истории, если, конечно, воспринимать священный текст не буквально, а аллегорически. Как известно, история человечества в Библии связана с сотворения Адама – первочеловека, или человеческого рода, – после того, как был сотворен мир, появились «разные виды растений, приносящих семя, и все виды деревьев, приносящих плод с семенем внутри» (Быт 1:11).

2. Более детально о неолитической революции см.: [21; 38].

антропов» [11, с. 113–116]. Однако когда Б.Ф. Поршневу делал этот вывод, наука еще ничего не знала о «денисовском человеке».

Таким образом, история, изначально устная, берет свои истоки, по всей видимости, с того времени, как человек научился передавать и хранить знания о прошлом, или воображать то, чего еще не было, в том числе будущее. Это произошло после того, когда стада «формирующихся людей» (архантропов и палеоантропов), промышлявших охотой и собирательством, превратились в первобытные общины и стали осознавать себя объединением родственников, связанных друг с другом кровным родством. Это был переход от предка человека к самому человеку, от дородового первобытного общества к раннеродовому первобытнообщинному строю, от труда инстинктивного к труду сознательному, притом что «отличие инстинктивного труда от сознательного состоит не в самом факте орудийной деятельности, а во включении сознания и, следовательно, речи, ибо вне речи сознания не существует» [10, с. 3].

По мере своего развития в раннеродовых общинах первобытные люди стали обретать особые обычаи и правила, прежде всего систему запретов (табу), заложившую основы первобытной этики, общий язык, верования, а затем и культы. Первоначальная иерархия в раннеродовых сообществах вряд ли существенно отличалась от стадной иерархии, состоявшей из отношений вожака (лидера) и рода, а первоначальное социальное разделение очевидно имело в своей основе половозрастные признаки, как в некоторых сообществах животных, однако это был громадный шаг вперед: появляется община, первоэлемент человеческого общества, структурно важнейший элемент социальной организации, накладывающий на индивида особые социальные функции.

Древнейшие очаги археологических культур локализуются в Анатолии, Месопотамии, Египте, долине Инда, Китае, на Кавказе и Балканах. В энеолите появляется петроглифика, протописьмо, на основе которого в течение последующих эпох, по-разному в различных географических ареалах, одновременно с появлением общественных классов, бюрократии и политических структур как раз и возникает письменность. На место устной истории постепенно приходит история письменная, или историописание.

Религиозные и философские концепции конца истории

Существует множество концепций конца истории, от религиозных до философских [8, с. 12–20]. В монотеистической традиции, в частности в христианской и исламской эсхатологии, ближе к концу света придет Антихрист (ад-Даджал), которого победит Иисус Христос (‘Иса б. Марьям), после чего

наступит конец истории в традиционном смысле и тысячелетний период небесного царства. Традиционные сценарии конца света в общих чертах общеизвестны, хотя в каждой религиозной традиции существуют свои особые толкования: они хорошо прослеживаются в богословских комментариях к библейской истории о Гоге и Магоге и кораническому рассказу о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне [2, с. 279–356].

Опираясь на христианскую эсхатологию, Св. Августин пришел к выводу, что история характеризуется нераздельностью добра и зла; конец истории наступит после того, когда всепожирающий огонь поглотит зло и наступит царство добра. По Канту, конец истории связан с идеей, что «историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество» [7, с. 26–27].

Владимир Соловьёв сформулировал идею конца истории в своей «Повести об Антихристе»: после завершения истории, творимой человеком, в империи Антихриста происходит еще один, на этот раз истинный, эсхатологический конец истории [35, S. 17]. Философскую концепцию конца истории предложил также А. Кожев (Кожевников), который опирался не столько на идеи Вл. Соловьёва, сколько на собственные трактовки «Феноменологии духа» Гегеля, выработанные им во время чтения лекций по этой теме [40, S. 105]. К концу истории человечество достигает завершенной целостности своего исторического развития, высшего идеала совершенного человека, и понимает, что именно эту целостность, гармонию и совершенство оно называло Богом, или Абсолютным духом. На самом деле этот дух – не Бог, а пространственно-временная тотальность природной и человеческой действительности, или «человек-в-мире» [34, S. 278]. Полагают, что именно концепция А. Кожева оказала большое влияние на все последующие концепции постистории, а также на философию постмодернизма [6, с. 397–401].

В марксизме история считалась предысторией коммунизма – идеального общественного строя. С достижением этого идеала подлинная история только начинается: «Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [9, с. 7–8]. Однако к этому ли стремилось человечество? Возможна ли полноценная свобода личности в таком программируемом, планомерно развивающемся мире? Одним из первых такой вопрос поставил Вильем Флюссер, который в своей «Постистории» еще в 1983 г. пришел к выводу, что полная победа коммунизма будет означать не начало истории, а ее конец [27].

Распад СССР в 1991 г. некоторые мыслители на Западе восприняли как окончательную победу либеральной демократии. После крушения коммунизма

уже никто не сможет составить ей конкуренцию, в том числе и ислам. Этот подход Фрэнсис Фукуяма сначала детализировал в статье (1989), а в 1992 г. – в книге «Конец истории и последний человек»: «Времена культурных завоеваний ислама, похоже, прошли: он может вернуть на свою сторону отпавших приверженцев, но вряд ли найдет отклик у молодых людей в Берлине, Токио или Москве. И хотя около миллиарда человек, одна пятая населения Земли, принадлежит к исламской культуре, бросить вызов либеральной демократии на ее собственной территории на уровне идей ислам не может» [28; 14, с. 96]³. Таким образом, в истории Фукуяма видел общее направление и конечную точку [32, р. 35–48, 140–168]. В этот период выражение «конец истории» получило распространение в самых различных областях гуманитарного знания [22, р. 47–75].

Последовавшие за этим события и обоснованная критика со всех сторон [20, р. 350–355; 37; 12, с. 509–510 и др.] уже через пять лет заставили Фрэнсиса Фукуяму уточнить свою концепцию, что он и сделал, сославшись на эмпирические и номинативные положения в его книге: «Провозглашение “конца истории” является номинативным, но не эмпирическим: оно означает не то, что “конец истории” это свершившийся факт, что наступил конец войнам, голоду, этническим и религиозным конфликтам; а то, что в плане идей и теорий нет больше жизнеспособных альтернатив либеральной демократии» [18; 29, р. 27–43]⁴. Как пояснил Кристофер Хьюз, постмодернистские подходы, представленные в нашумевшей концепции Ф. Фукуямы, рассматривают либеральную демократию как конец истории, однако это означает не что иное, как переход на завершающий, высший этап истории [33, р. 49–67, 140–168].

С философской идеей конца истории генетически связана, хотя и не линейно, модная ныне концепция постистории, которая опирается на постулаты теории постмодернизма. В 1989 г. Люцц Нитхаммер практически одновременно с Фукуямой выступил с философским обоснованием конца истории, опираясь на творческое наследие А. Кожева. В своей книге «Постистория. Подошла ли история к концу?» он прямо противопоставил постисторию и конец истории, хотя и в метафизическом смысле [39].

Свое новое, постмодернистское, содержание концепция получила в трудах Юргена Хабермаса и Жана Бодрийяра. Постистория у Хабермаса – это качество истории в постиндустриальном обществе, когда традиционное линейное понимание событийности, развивающегося из прошлого в будущее, сменяется установкой на интерпретационную плюральность нарративной

3. После терактов 11 сентября 2001 г. эти взгляды Фукуямы оказались устаревшими, зато укрепились позиции Сэмуэля Хангтингтона, предсказавшего столкновение цивилизаций – западной и исламской.

4. Всесторонний научный анализ такой рефлексии см.: [39].

истории. Концепция постистории изобилует дискурсами (или «нарративной связностью дискурса»), не признает линейную концепцию времени и линейное видение социальной динамики. Она отказывается от логоцентризма и презумпции трансцендентального означаемого, поскольку считает невозможной интерпретацию текста источника извне, без «деструкции» этого текста. И в связи с этим возникает парадокс «двойного прошлого» (*A Double Past*) [30].

Бодрийяр считал народные массы «молчаливым большинством», которое своим безразличием уничтожает всякий смысл, а значит, и информацию. Масса не может быть ни объектом, ни субъектом истории. По его мнению, социальное в одно и то же время и создается, и разрушается: «Социальное, безусловно, существовало, но сейчас его больше нет. Оно существовало как связное пространство, как основание реальности» [4, с. 90–91]. Очевидно, этот «конец социального» и является постисторией.

Граница между историей и не-историей, прошлым и настоящим

Историческая наука не признает концептов конца истории, хотя дискурсы постистории некоторым образом все же проникают в академическую науку, обогащая инструментарий исследователя. Господствующая точка зрения исходит из того, что история человечества будет продолжаться до тех пор, пока существует само человечество как вид. Вместе с тем мы не можем обойти вниманием проблему конечного рубежа истории. Эта проблема имеет два аспекта: внешний и внутренний.

Внешний аспект проблемы имеет в своем основании тезис о том, что в исторической науке нет четкого, однозначно признаваемого всеми историками водораздела между прошлым и современным. Это достаточно непростая дилемма, учитывая широкое использование определений вроде «новейшей истории», «современной истории», «исторической памяти» (имея в виду живую коллективную память ныне живущих людей и различных сообществ о событиях далекого прошлого) и даже «исторического будущего» (по Шпенглеру).

Объективных критериев, с какого момента событие можно считать историей, не существует. Поэтому системно-коммуникативный метод позволяет взять за основу измерения самого времени, которое делится на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое во временном измерении – это свершившееся настоящее, поэтому только настоящий момент может служить водоразделом между прошлым и будущим.

Внутренний аспект проблемы учитывает, что исторический процесс:

- 1) непрерывен;
- 2) он связан с настоящим и будущим в своем временном измерении;

3) история не заканчивается настоящим, все исторические процессы имеют продолжение, хотя они в настоящее время уже не являются историей;

4) каждый миг настоящего – это потенциальное прошлое, которое не возникает ниоткуда, а только из настоящего. Этот процесс историотворчества также непрерывен, как и исторический процесс.

В практической плоскости эти теоретические положения заставляют нас полнее учитывать фактор времени. Исследователи относятся к этногенезу, политогенезу и другим процессам как историческим явлениям, имевшим определенные хронологические рамки: они возникли и завершились в определенных исторических условиях. Такой подход исходит из тезиса о неизменности сущности социальных связей и отношений, а также социальных институтов, что вряд ли можно считать корректным, учитывая их изменчивость в историческом процессе.

Человек по своей природе не только эгоцентричен, но и хроноцентричен по отношению к настоящему времени: он все оценивает с точки зрения сегодняшнего дня, текущего момента: знаний, жизненного опыта, возраста. Масштаб исторического процесса, системный подход и формализованные, обезличенные требования информационного подхода заставляют смотреть на историю как на неоконченный роман, который мы продолжаем читать в настоящее время. Финал каждого из известных нам эпизодов истории так или иначе разрешится, но в будущем. Человек продолжает развиваться и меняться; это означает, что и трансформация социальных систем, связанных с ним, будет продолжаться. По этой причине принципы методологии истории должны быть одинаково применимы как к историческим, так и к современным событиям, когда и где бы они ни происходили.

С точки зрения системного подхода история представляет собой не только непрерывный, но и многоаспектный процесс социального взаимодействия, в котором одни события сменяются другими, переплетаясь друг с другом и руководствуясь своей логикой – как внутренней, так и логикой взаимодействия. При этом реальное социальное взаимодействие, реальные события и реальное их переплетение друг с другом происходят не в истории, а только в настоящее время. В истории ничего не происходит, поскольку ее составляют только свершившиеся факты и события, которые, в свою очередь, становятся историческими только тогда, когда они в сознании наблюдателей отрываются от ткани настоящего и переходят в категорию прошлого. А это происходит не в процессе совершения события, а только тогда, когда оно 1) логически завершается, 2) перестает быть актуальным настоящим. А поскольку каждое событие человек воспринимает индивидуально, то для одного событие может стать прошлым, в то время для другого оно продолжает оставаться частью настоящего.

Согласно Лесли Уайту, все социальные связи – прошлые, настоящие и будущие – образуют единую систему [13, с. 109]. Непрерывность социального существования человечества, связывающая прошлое с настоящим, обеспечивает единство исторического процесса. Именно по этой причине Дьёрдь Лукач, стараясь добиться понимания единства и целостности человеческого бытия, предлагал рассматривать проблему настоящего как историческую [36, р. 261]. Для обеспечения такого единства желательно объединять прошлое и настоящее вместе, чтобы получить эвристическое броделевское *longue duree*. Достаточно ли для этого не разрывать логические связи между прошлым и настоящим, используя один и тот же язык социального описания, как это делают исследователи в рамках современной истории [3] – вопрос, требующий отдельного изучения. В связи с этим небезынтересна попытка Юваля Харари написать краткую историю будущего, объединив ее с прошлым и настоящим [31].

Библиография

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. Изд. 6-е. М.: АСТ – Астрель, 2007. 350 с.
2. Аликберов А.К. К источникам и историческим основаниям коранического рассказа о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне // *Ars Islamica: В честь Станислава Михайловича Прозорова* / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. М.: Наука – Восточная литература, 2016. С. 279–356.
3. Бибииков Г.Н., Бибиикова Л.В. Методология современной истории: Историографический очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 208 с.
4. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Перевод на русский Н.В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 96 с.
5. Дьяконов И.М. Пути истории. С древнейших времен до наших дней. Изд. второе. М.: КомКнига, 2007. 382 с.
6. Жубара А. Идея конца истории: Вл. Соловьёв и А. Кожев // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьёва и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 397–401.
7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений. Юбил. изд., 1794–1994: В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 26–27.
8. Малахов В.С. Еще раз о конце истории // *Вопросы философии*. 1994. № 7/8. С. 12–20.
9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1959. Т. 13. С. 1–167.
10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
11. Поршнев Б.Ф. Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // *Вопросы философии*. 1966. № 3. С. 113–116.
12. Семёнов Ю.И. Конец истории? // *Философия истории*. Изд. 2-е. М.: Современные тетради, 2003. С. 509–510.
13. Уайт Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 47–472.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.
15. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / Пер. с нем. А.С. Пашенко. СПб.: Алетея, 2011. 319 с.
16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1961. Т. 21. С. 23–178.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Из-во полит. лит-ры, 1991. 528 с.
18. After history? Francis Fukuyama and his critics / Ed. by Timothy Burns. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1994. 265 p.
19. Anderson Bernhard W. The Beginning of History: Genesis. London: Lutterworth Press, 1963. 96 p.
20. Anderson Perry. The Ends of History // A Zone of Engagement. London – New York: Verso, 1992. P. 350–355.
21. Bailey D. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge Publishers, 2005. 243 p.
22. Barker F. Which dead? Hamlet and the Ends of History // Uses of History: Marxism, Post-modernism, and the Renaissance / Ed. by Barker F., Hulme P., Iversen M. Manchester; New York: Manchester University Press, 1991. P. 47–75.
23. Bell J.A. Reconstructing Prehistory: Scientific Method in Archaeology. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 358 p.
24. Bossuet, Jacques B. An Universal History, from the Beginning of the World, to the Empire of Charlemagne. Transl. from the 13th Ed. of the original by Mr. Elphinston. In 2 Volumes. London: The Bible and Crown, Little Tower-Hill, 1767. 324 p.
25. The World's Writing Systems / Ed. by Peter T. Daniels and William Bright. New York – Oxford: Oxford University Press, 1996. 921 p.
26. De Angelis M. The Beginning of History: Value Struggles and Global Capital. London: Pluto Press, 2007. 320 p.
27. Flusser V. Post-History. Transl. by Rodrigo Maltez Novaes. University of Minnesota Press, 2013. 167 p.
28. Fukuyama F. Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir? München: Kindler, 1992. 510 S.
29. Fukuyama F. Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory. 1995. Vol. 34. N 2. P. 27–43.
30. Habermas J. A Berlin Republic: Writings on Germany / Transl. by Steven Rendall; Intr. by Peter Uwe Hohendahl. Frankfurt am Main: Polity Press, 2015. 187 S.
31. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. London: Harvill Secker, 2016. 448 p.
32. Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind. London: Harvill Secker, 2014. 464 p.
33. Hughes C. Liberal Democracy as the End of History: Fukuyama and Postmodern Challenges. London – New York: Routledge, 2011. 225 p.
34. Kojève A. Hegel. Eine Vergegenwärtigung seines Denkens: Kommentar zur Phänomenologie des Geistes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 339 S.
35. Koschewnikoff A. Die Geschichtsphilosophie Wladimir Solowjews. Bonn: Friedrich Cohen, 1930. 20 S.
36. Lukács G. History and Class Consciousness. Studies in Marxist Dialectics / Transl. by Rodney Livingstone. Cambridge, MA: The MIT Press; London: Merlin Press, 1971. 356 p.
37. Meyer M. Ende der Geschichte? München: Carl Hanser, 1993. 248 S.

38. The Neolithic Demographic Transition and its Consequences / Ed. by Jean-Pierre Bocquet-Appel and Ofer Bar-Yosef. Dordrecht: Springer, 2008. 544 p.
39. Niethammer L. Posthistoire. Ist die Geschichte zu Ende? Reinbek / Hamburg: Rowohlt Verlag, 1989. 187 S.
40. Pinard-Legry J.-L., Kojeve A. Zur französischen Hegel-Rezeption // Vermittler (Deutsch-französisches Jahrbuch) / Band 1. Jürgen Sieß (Ed.). Frankfurt am Main: Syndikat, 1981. S. 105–117.
41. Renfrew C. Prehistory: The Making of the Human Mind. London: Weidenfeld & Nicolson, 2007. XIV; 254 p.
42. Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. 402 p.
43. Thacker P.T. Hunter-Gatherer Lithic Economy and Settlement Systems: Understanding Regional Assemble Variability in the Upper Paleolithic of Portuguese Estremadura // Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. P. 101–122.
44. Tytler A.F. Universal history, from the Creation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 1. 548 p.
45. Tytler A.F. Universal history, from the Creation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 2. 549 p.

References

- After history? Francis Fukuyama and his critics / Ed. by Timothy Burns. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1994. 265 p.
- Alekseev V.P., Pershich A.I. Istorija pervobytnogo obshhestva. Izd. 6-e. Moscow: AST – Astrel', 2007. 350 p.
- Alikberov A.K. K istochnikam i istoricheskim osnovanijam koranicheskogo rasskaza o Ja'dzhudzhe, Ma'dzhudzhe i Zu-l-Karnajne // Ars Islamica: V chest' Stanislava Mihajlovicha Prozorova / Sost. i otv. red. M.B. Piotrovskij, A.K. Alikberov. Moscow: Nauka – Vostochnaja literatura, 2016. P. 279–356.
- Anderson Bernhard W. The Beginning of History: Genesis. London: Lutterworth Press, 1963. 96 p.
- Anderson Perry. The Ends of History // A Zone of Engagement. London – New York: Verso, 1992. P. 350–355.
- Bailey D. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge Publishers, 2005. 243 p.
- Barker F. Which dead? Hamlet and the Ends of History // Uses of History: Marxism, Post-modernism, and the Renaissance / Ed. by Barker F., Hulme P., Iversen M. Manchester; New York: Manchester University Press, 1991. P. 47–75.
- Bell J.A. Reconstructing Prehistory: Scientific Method in Archaeology. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 358 p.
- Bibikov G.N., Bibikova L.V. Metodologija sovremennoj istorii: Istoriograficheskij ocherk. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2011. 208 p.
- Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo. Perevod na russkij N.V. Suslova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta, 2000. 96 p.
- Bossuet, Jacques B. An Universal History, from the Beginning of the World, to the Empire of Charlemagne. Transl. from the 13th Ed. of the original by Mr. Elphinston. In 2 Volumes. London: The Bible and Crown, Little Tower-Hill, 1767. 324 p.
- D'jakonov I.M. Puti istorii. S drevnejshih vremen do nashih dnei. Izd. vtoroe. Moscow: KomKniga, 2007. 382 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- De Angelis M. *The Beginning of History: Value Struggles and Global Capital*. London: Pluto Press, 2007. 320 p.
- Flusser V. *Post-History*. Transl. by Rodrigo Maltez Novaes. University of Minnesota Press, 2013. 167 p.
- Fukujama F. *Konec istorii i poslednij chelovek / Frjensis Fukujama; per. s angl. M.B. Levina*. Moscow: AST, 2007. 588 p.
- Fukuyama F. *Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir?* München: Kindler, 1992. 510 S.
- Fukuyama F. *Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory*. 1995. Vol. 34. N 2. P. 27–43.
- Habermas J. *A Berlin Republic: Writings on Germany / Transl. by Steven Rendall; Intr. by Peter Uwe Hohendahl*. Frankfurt am Main: Polity Press, 2015. 187 S.
- Harari Y.N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. London: Harvill Secker, 2016. 448 p.
- Harari Y.N. *Sapiens: A Brief History of Humankind*. London: Harvill Secker, 2014. 464 p.
- Hughes C. *Liberal Democracy as the End of History: Fukuyama and Postmodern Challenges*. London – New York: Routledge, 2011. 225 p.
- Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow: Iz-vo polit. lit-ry, 1991. 528 p.
- Jengel's F. *Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K. i Jengel's F. Sochinenija*. Izd. 2-e. Moscow: Gos. iz-vo polit. lit-ry, 1961. Vol. 21. P. 23–178.
- Kant I. *Ideja vseobshhej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane // Kant I. Sobranie sochinenij. Jubil. izd., 1794–1994: V 8 t. / Pod obshh. red. A.V. Gulygi*. Moscow: ChORO, 1994. Vol. 8. P. 26–27.
- Kojeve A. *Hegel. Eine Vergegenwärtigung seines Denkens: Kommentar zur Phänomenologie des Geistes*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 339 S.
- Koschewnikoff A. *Die Geschichtsphilosophie Wladimir Solowjews*. Bonn: Friedrich Cohen, 1930. 20 S.
- Lukács G. *History and Class Consciousness. Studies in Marxist Dialectics / Transl. by Rodney Livingstone*. Cambridge, MA: The MIT Press; London: Merlin Press, 1971. 356 p.
- Malahov V.S. *Eshhe raz o konce istorii // Voprosy filosofii*. 1994. N 7/8. P. 12–20.
- Marks K. *K kritike politicheskoj jekonomii // Marks K. i Jengel's F. Sochinenija*. Izd. 2-e. Moscow: Gos. iz-vo polit. lit-ry, 1959. T. 13. P. 1–167.
- Meyer M. *Ende der Geschichte?* München: Carl Hanser, 1993. 248 S.
- Niethammer L. *Posthistoire. Ist die Geschichte zu Ende?* Reinbek / Hamburg: Rowohlt Verlag, 1989. 187 S.
- Pinard-Legry J.-L., Kojève A. *Zur französischen Hegel-Rezeption // Vermittler (Deutsch-französisches Jahrbuch) / Band 1. Jürgen Sieß (Ed.)*. Frankfurt am Main: Syndikat, 1981. S. 105–117.
- Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii)*. Moscow: Mysl', 1974. 487 p.
- Porshnev B.F. *Vozmozhna li sejchas nauchnaja revoljucija v primatologii? // Voprosy filosofii*. 1966. N 3. P. 113–116.
- Renfrew C. *Prehistory: The Making of the Human Mind*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2007. XIV; 254 p.
- Semjonov Ju.I. *Konec istorii? // Filosofija istorii*. Izd. 2-e. M.: Sovremennye tetradj, 2003. P. 509–510.
- Shmidt K. *Oni stroili pervye hramy. Tainstvennoe svjatilishhe ohotnikov kamennogo veka. Arheologicheskie otkrytija v Gjobekli Tepe / Per. s nem. A.S. Pashhenko*. Saint Petersburg: Aletejja, 2011. 319 p.
- Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell*. New York: Springer Science – Business Media, 2013. 402 p.

Thacker P.T. Hunter-Gatherer Lithic Economy and Settlement Systems: Understanding Regional Assemblage Variability in the Upper Paleolithic of Portuguese Estremadura // *Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory* / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. P. 101–122.

The Neolithic Demographic Transition and its Consequences / Ed. by Jean-Pierre Bocquet-Appel and Ofer Bar-Yosef. Dordrecht: Springer, 2008. 544 p.

The World's Writing Systems / Ed. by Peter T. Daniels and William Bright. New York – Oxford: Oxford University Press, 1996. 921 p.

Tytler A.F. Universal history, from the Creation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 1. 548 p.

Tytler A.F. Universal history, from the Creation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 2. 549 p.

Uajt L. Jevoljucija kul'tury. Razvitie civilizacii do padenija Rima // Uajt L. Izbrannoe: Jevoljucija kul'tury. Moscow: ROSSPJeN, 2004. P. 47–472.

Zhubara A. Ideja konca istorii: Vl. Solov'jov i A. Kozhev // Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebrjanogo veka: K 150-letiju Vl. Solov'jova i 110-letiju A.F. Loseva. Moscow: Nauka, 2005. P. 397–401.